

Л. Н. Лунькова

Проблемы репрезентации означаемого в иноязычном тексте

Все естественные языки стремятся максимально полно и компактно выразить человеческую мысль. Способы репрезентации означаемого в разных языках определяются как объективными, так и субъективными причинами, которые в равной степени способны повлиять на выбор языковой единицы в принимающем языке. Адекватность репрезентации достигается в целом за счет того, что между языками существует связь, основанная на общечеловеческих свойствах мыслительной деятельности.

Ключевые слова: означаемое, способы репрезентации, картина мира, интерференция, речевая деятельность, когнитивная модель.

L. N. Lunkova

Representation Problems of Designatum in a Foreign Language Text

All natural languages tend to express human thought full and compactly as much as possible. Ways of designatum representation in different languages are defined by objective and subjective reasons which are equally capable to affect a choice of a language unit in the accepting language. Representation adequacy is achieved by means of language connections based on universal properties of cogitative activity.

Keywords: designatum, ways of representation, a world picture, interference, speech activity, a cognitive model.

Во «Введении к переводу Агамемнона» В. фон Гумбольдт писал: «Не будет большим преувеличением сказать, что все, от самого возвышенного до самого глубокого [...] может быть выражено в любом языке, даже в языках примитивных народов, которые мы просто не очень хорошо знаем» [14, с. 56]. Стоит ли сомневаться в справедливости этого наблюдения великого ученого? Безусловно, все языки и каждый в отдельности обладают определенным арсеналом средств для того, чтобы выразить любую идею. Поскольку язык представляет собой, по Э. Бенвенисту, «универсальную семиотическую матрицу», то любые знаки окружающей действительности могут быть полностью интерпретированы посредством знаков языка. Обратный процесс невозможен, и такая асимметрия обусловлена уникальными свойствами языка как знаковой системы. Все естественные языки обладают интенцией мыслевыражения, стремятся, используя разные средства, каждый по-своему, максимально полно и компактно выразить человеческую мысль. Именно благодаря наличию у языка этой интенции он способен выражать новые для себя смыслы, используя имеющиеся средства или создавая новые.

Однако некоторые исследователи все же полагают, что полностью мысль может выразить только *чистый язык*. (Поисками чистого языка – *Reine Sprache* – на протяжении многих десятилетий занимались как философы, так и лингвисты – представители различных научных школ и направлений, например, Л. Витгенштейн, Ж. Деррида и др.) Согласно философской концепции В. Беньямина [13, с. 74–75], в отдельных языках, в отличие от чистого языка, мысль всегда зависима, прикрепленна к словам и сочетаниям слов. Языки различаются модусами, или способами существования значения [13, с. 75]. Немецкое слово **Brot** и французское **pain** обозначают один и тот же объект, но обладают разными модусами значения. Из-за различия в способах существования значения указанные слова означают разное для носителей соответствующих лингвокультур, и только при совмещении модусов значения различных языков может быть получено «чистое» обозначаемое, не привязанное к значениям единиц того или иного языка.

Рациональность идеи В. Беньямина заключается в том, что в основе отношения между языками лежит обозначаемое, мысль, которую можно отследить, сопоставив ее с общей концепцией речемыслительной деятельности, разработанной

в отечественной лингвистике Л. С. Выготским и его последователями – Н. И. Жинкиным, А. А. Леонтьевым, И. А. Зимней и др. [3]. Центральный тезис теории Л. С. Выготского таков: «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» [3, с. 292]. Смежными понятиями двух концепций – философской и психологической – являются понятия *внутренней речи* (Л. С. Выготский) и *чистого языка* (В. Беньямин). Так, во внутренней речи отсутствуют материальные признаки слов, она, в основном, состоит из смыслов, которые суть динамические и текучие образования, имеющие тенденцию отделяться от слов и объединяться по своим собственным законам [5]. По Л. С. Выготскому, переход от мысли к слову – это путь от «мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [3]. Таким образом, исследования психологических механизмов речепроизводства свидетельствуют о том, что процесс перехода от слова к мысли предполагает наличие двух внутренних звеньев: переход от слова к его значению, а затем – к динамическим механизмам внутренней речи, и, наконец, к единой и нерасчлененной мысли.

При передаче текста средствами другого языка цепочка может быть представлена как обратный процесс: сначала мы имеем дело с движением от слова, то есть исходного текста, к мысли, а затем от мысли к слову, то есть тексту, представленному на другом языке. Такая когнитивная модель могла бы стать идеальной формулой, объясняющей механизмы трансформации текста в рамках двух языковых систем. Однако на этом пути возникает все та же проблема: процессы концептуализации сущностей и событий окружающего мира различаются от языка к языку.

Проведенные исследования показывают, что способы репрезентации означаемого в разных языках могут определяться как *объективными*, так и *субъективными* причинами. К числу первых мы можем отнести такие формально-содержательные факторы, как глубинная семантика языка и его типологическая характеристика. В качестве субъективных нами рассматриваются языковая личность отправителя и получателя текста, а также эстетическая интерференция как важнейшее свойство человеческого восприятия.

Семантические различия между языками носят регулярный характер и проявляются в раз-

личных семантических областях. Семантические элементы оторваны от значений конкретных единиц исходного языка и функционируют на уровне смыслов. На уровне внутренней речи, где мысль не ограничена модусами значений слов конкретного языка, человеческое сознание способно анализировать, расчленять, рекомбинировать и менять порядок расположения концептов. Семантическим различиям между близко- и дальнеродственными языками посвящено большое количество лингвистических исследований (Г. П. Мельников, Л. Талми, Ф. Унгерер, М. Клайн и др.).

Особенности глубинной семантики языков наиболее ярко обнаруживаются при анализе и сопоставлении так называемой «непереводимой» или «безэквивалентной» лексики. В этом случае актуализировать смыслы возможно лишь с помощью слов и выражений, не являющихся эквивалентными, так как один и тот же концепт может иметь несколько модусов или способов существования в одной языковой системе. Таким образом, язык в целом посредством различных и разнородных единиц позволяет объективировать нужный концепт, а выбор того или иного варианта репрезентации концепта может зависеть как от контекста, так и от интенций индивида.

Очевидно, что объективные сложности перехода от одного языка к другому все же преодолимы. И теория перевода традиционно обращала внимание на наличие у всех языков существенных универсальных черт и возможность «коммуникативного приравнивания отрезков разноязычных текстов, несмотря на несовпадение значений составляющих их языковых единиц» [7]. Тем самым, доминантными при переводе являются, прежде всего, системные сходства между языками и способность их отдельных и разнопротяженных единиц выступать в качестве коммуникативных эквивалентов. Тогда максимально возможная функционально-семантическая эквивалентность между текстом перевода и текстом оригинала может быть достигнута с опорой на «объективно существующие» сходства и установленные нормы соответствий между двумя языками.

С точки зрения философии и логики выбор, в данном случае – выбор языковой единицы, всегда обусловлен объективными и субъективными обстоятельствами. В качестве объективных факторов, влияющих на выбор средств репрезентации означаемого, мы определили те, которые не могут быть изменены в результате сознательного

выбора индивида, но которые продиктованы семантическими и типологическими нормами, ограничениями и свойствами воспроизводящего языка. Эта логика дает право рассуждать о проявлении языковой личности как факторе субъективном. Ключевым звеном в словосочетании будет являться скорее *личность* со свойственными ей психологическими и психоэмоциональными проявлениями. Ф. де Соссюр уподобил язык стеклам очков, «через которые мы созерцаем предметы» [11]. Этот видимый сквозь призму языка мир представляет собой уникальную и своеобразную языковую действительность, но действительность, воспринимаемую отдельным человеком, поэтому «человеческий фактор» в этой связи вряд ли возможно игнорировать.

В процессе жизнедеятельности человек взаимодействует с миром и присваивает действительности языковые значения. Мир преобразуется человеком так, что на первый план выдвигается нечто, наиболее значимое для личности. И тогда различная языковая репрезентация одного и того же фрагмента действительности по сути является иллюстрацией разного видения мира. Именно поэтому исследования моделей и механизмов концептуализации и вербализации окружающей среды, психолингвистического восприятия и национально-культурного отражения в языковом сознании личности привлекают большое внимание в современной лингвистике.

Освоение мира в процессе взаимодействия с ним, которое осуществляется как адаптация человека к миру, с одной стороны, и как адаптация мира к потребностям человека – с другой, обеспечивается в первую очередь когнитивным опытом субъекта. Приобретение, хранение и воспроизведение когнитивного опыта осуществляется за счет ментальных моделей (В. Г. Афанасьев, И. Б. Новик, Р. Л. Солсо и др.). Ментальные модели, называемые в когнитивной лингвистике фреймами, «имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому они способны определять и описывать то, что является самым “характерным” или “типичным” в данном социуме или обществе с его этно- и социокультурными особенностями. Скажем, фрейм “семья” поразному организован в сознании жителей южнокорейского села, немецкого города, дагестанского аула или индусской деревни: разными оказываются и слоты, и их количество, и наполнение...». [8, с. 153]. Интерпретирующая деятельность сознания человека по отношению к действительности отразилась в феномене языковой картины

мира. Принято считать, что языковая картина мира – это исторически сложившаяся в бытовом сознании языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире [4, с. 72], то есть, по В. фон Гумбольдту, «субъективный образ объективного мира». Так, восприятие мира носителями диалектной лингвокультуры отличается от мировосприятия людьми с эстетическим мышлением, поэтому существенно различаются и соответствующие типы языковой картины мира. Кроме того, каждый язык создает свою уникальную картину мира, которая отличается от восприятия мира другими языками, таким образом, складывается специфическое мировидение этноса определенной культуры.

Культурные модели различных этносов предлагают разнообразные средства, с помощью которых развиваются, отшлифовываются, закрепляются и систематизируются знания и представления о мире. Каждой национальной картине мира свойствен индивидуальный набор концептов, определяющих круг человеческих понятий и наиболее точно отражающих мировосприятие и миропонимание данного этноса. Принято считать, что существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром; существует столько картин мира, сколько имеется «призм мировидения» [9, с. 33].

Необходимо сделать еще одно замечание относительно описания инокультурного мышления. В последние годы появляются исследования специфики лингвокультур. Возникает проблема адекватности самого описания инокультурного мышления. Она связана с философской проблематикой оснований рациональности. Так, А. В. Смирнов считает, что, «оставаясь в пределах оснований рациональности, характерных для одной культуры (и заданных релевантными для нее очевидностями), невозможно адекватно показать строение смысловых структур, созданных другой культурой, если та опирается на другие основания рациональности» [10, с. 297]. Критика традиционных концепций адекватности описания инокультурного мышления заключается здесь в том, что все они основываются на представлении об универсальности и единстве человеческого разума. Исследователь же полагает, что в каждой культуре существует своя логика смысла, которая руководит формированием содержательного наполнения любого понятия, и игнорирование этого обстоятельства «губительно для правильного отображения содержания анализируемых категорий» [10, с. 295].

Без сомнения, такая точка зрения на особенности инокультурного мышления имеет право на существование и даже позволяет согласиться с отдельными ее постулатами. Аналогичные теории понимания разработаны философией языка, например, концепция У. ван О. Куайна, в которой автор убедительно доказывает невозможность адекватного понимания не только в межъязыковом пространстве, но и в рамках одной лингвокультуры. На наш взгляд, это в некотором роде экстремальный взгляд на язык и на свойства репрезентации действительности в языке. Стройность и логичность теоретической доказательной базы очевидно нарушается практикой общения.

Второй значимый фактор, влияющий на способности репрезентации означаемого в иноязычном тексте и выделенный нами как субъективный, – эстетическая интерференция. Согласно принятому определению, феномен интерференции – это процесс и результат контакта двух языковых систем в речи, при котором одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной системе [1].

Понятие эстетической интерференции относится в большей степени к сфере лингвистических, нежели литературоведческих исследований (см. У. Вайнрайх, А. Карлинский и др.). Так, «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет языковую интерференцию как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающихся либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [2].

Такое лингвистическое определение позволяет выделить в содержании интерференции два основных признака: *воздействие* свойств родного языка на изучаемый и *трансформации*, проявляющиеся в отклонениях от нормы в речи говорящего на неродном языке.

Эстетическая интерференция, как и языковая, в значительной мере обусловлена содержанием и структурой родного языка реципиента, и представляет собой результат наложения, или смешения, разных национально-художественных сознаний. Эстетическая интерференция является важнейшим свойством восприятия: она возникает объективно и произвольно при восприятии инонациональной, иноязычной лингвокультуры, в частности, в виде художественного текста. Интерференция всегда проявляется в нарушении восприятия содержания, в результате чего становится сложнее понять произведение, раскрыть

его глубинные, потенциальные смыслы. Вместе с тем, возникшая в результате наложения разных сознаний, она всегда преодолевает границы произведения. В момент эстетической интерференции инонациональное содержание преломляется в сознании реципиента, происходит расхождение этого «нового» облика произведения с теми представлениями, которые сложились в рамках родной культуры и языка реципиента. В труде «Исследование по эстетике» известный польский философ Р. Ингарден пишет, что произведение литературы, «взятое само по себе, представляет лишь как бы костяк, который в ряде отношений дополняется и восполняется читателем, а в некоторых случаях подвергается также изменениям или искажениям» [6, с. 73], поскольку эстетическое восприятие всегда будет отличным от эстетического восприятия отправителя, находящегося в пространстве другой лингвокультуры.

Исследователи полагают (Ю. М. Лотман, П. Тороп), что установление диалогических отношений при восприятии произведения неродной литературы, которое представлено читателю, например, в форме художественного перевода, возможно лишь при условии «предварительного прочтения и перечитывания его в рамках исходной литературной культуры» [12, с. 25]. На наш взгляд, эстетическая интерференция неизбежна даже при наличии у реципиента достаточных знаний в области инокультурных художественных традиций, а также в области грамматики или лексики «чужого» языка. Вероятно, это связано с тем, что эстетическая интерференция – более сложное и непредсказуемое явление, чем интерференция языковая. Она, как правило, возникает стихийно и определяется целым комплексом факторов. Среди них особое место принадлежит родному языку реципиента, его культуре, эстетическому идеалу, жанрам, которые сложились в его национальной литературе. Как результат художественного восприятия эстетическая интерференция может иногда возникать и при чтении произведений родной литературы. Она имеет место тогда, когда отправитель текста долгое время находился под влиянием традиций иной лингвокультуры. Сюда можно отнести произведения писателей-билингвов.

Таким образом, при переходе от одного языка к другому средства репрезентации означаемого могут зависеть от ряда факторов как объективного, так и субъективного свойства. Каждый из них в равной степени способен повлиять на выбор языковой единицы в принимающем языке. Адек-

ватность репрезентации достигается в целом за счет того, что между языками существует связь, основанная на общечеловеческих свойствах работы мозга. Исследователи полагают, что при взаимодействии языков контакт происходит на уровне мысли, и адекватность репрезентации означаемого от языка к языку достижима, поскольку механизмы концептуализации действительности человеческим мозгом универсальны.

Библиографический список

1. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов [Текст] / А. Н. Булыко. – М. : Мартин , 2008.
2. Виноградов, В. А. Интерференция [Текст] / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл. , 1990.
3. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : АСТ: Хранитель , 2008.
4. Демидова, К. И. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира [Текст] / К. И. Демидова. – СПб. : Наука , 2006.
5. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество: Исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт , 1998.
6. Ингарден Р. Исследование по эстетике [Текст] / Р. Ингарден. – М. 1962.
7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС , 1999.
8. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис , 2003.
9. Серебренников, Б. В. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / Б. В. Серебренников. – М. : Наука , 1990.
10. Смирнов, А. В. Логика смысла [Текст] / А. В. Смирнов. – М. : Яз. славян. культуры, 2001.
11. Соссюр, Ф. де Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс , 2000.
12. Тороп П. Тотальный перевод. – Tartu: Tartu ülikooli kirjastus, Cop. , 1995.
13. Benjamin W. The Task of the Translator / W. Benjamin // Theories of translation / ed. by R. Schulte & J. Biguenet. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992.
14. Humboldt W. The Introduction to the Translation of Agamemnon / W. Humboldt // Theories of translation / ed. by R. Schulte & J. Biguenet. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992.